

Проклятый трон

Автор:

Ирина Зволинская

Проклятый трон

Ирина Зволинская

Проклятый лес #3

Два стратега ведут свою игру. На кону – империя и жизнь. Две пешки, сестра и брат, брошены в огонь этой войны. Вот только пешки ли? Третья, заключительная часть цикла.

Ирина Зволинская

Проклятый трон

Глава 1

Ральф шагал за господином Холдом и Элизабет, спиной ощущая тяжелый взгляд будущего императора. Замедлил шаг, повернул голову вправо, а затем резко опустил взгляд и досадливо поморщился. Он ушел далеко и никак не мог видеть лица Юрия, но слышал его тихое «Ральф» прямо в своей голове.

Ральф... Ральф... Ральф...

Нет, оборачиваться точно не стоит. Стоит ускорить шаг.

Ральф быстро осмотрелся. Дворцовый парк, и ни одного гребанного фонтана! Где найти воды для Лиз? Они вышли с закрытой территории на улицу, туда, где ждали гостей автомобили. Маршал оставил гвардейца присматривать за ним и Лиз, а сам, нахмурившись, отправился на поиски водителя.

– Ты как? – с тревогой спросил Бонк Элизабет.

– Нормально, спасибо, – вежливо прохрипела она.

Ну-да, нормально. Видит он, как ей нормально! И жажду её чувствует почти как свою... Ральф недовольно покачал головой. Высшая кровь, разве станет она жаловаться? Он сощурился, окидывая взглядом полупустую автомобильную площадку, и вдруг вспомнил о бутылке воды, которую его высочество Юрий тогда, в академии, приказал принести из своего авто. Должна быть у Холда вода?

Он дернул ручку, замок был заблокирован, но когда его останавливали замки? Крошечная молния, небольшая неполадка в электронике, и дверь открылась. Действительно, в бардачке была пара бутылок! Слава тебе, господи!

Он довольно подбросил пластиковую бутылку в руках, победно взглянув на Элизабет, а потом заметил спускающегося по ступеням господина Холда. Маршал был один. Ральф отвинтил крышку, протягивая свою добычу Элизабет, и легкомысленно ей подмигнул:

– Держи.

Нет, ему не было весело – он не хотел её пугать. Господин Холд подозвал его к себе взмахом руки, и, прежде чем уйти, Ральф бросил быстрый взгляд на юную госпожу Холд. Она жадно глотала воду, руки её дрожали, но даже так Элизабет скорее напоминала картинку в журнале, чем живую девушку. Иллюстрация красивой, яркой и недостижимой жизни. Жизни, к которой Ральф не имел никакого отношения. Он горько усмехнулся, поднялся к Холду и встал напротив, расправив плечи и спрятав руки за спиной.

– Слушаю?

Не о чем сожалеть. Каждому своё. Кому-то дворец, кому-то сырые стены старой крепости, или, еще лучше, казарма. Что общего может быть у нищего курсанта и дочери маршала?

«Ральф...» – услышал он в своей голове, узнал голос Юрия.

Холд вспыхнул алым.

«Ральф...» – нежно шепнула ему в ухо Лиз, горячими губами задевая мочку, спускаясь ниже, целуя шею, обвивая его тело, окутывая сладким запахом цветочных духов.

Фантазии? Безумие? Или наследие любимого чертового леса? Ральф взлохматил волосы, ладонью стирая иллюзию её прикосновения. Нет, это не он вляпался, все Бонки вляпались во всё это задолго до него самого...

У нищего курсанта и дочери маршала, как это ни странно, много общего. Сила. Одно проклятье на двоих.

– Вас некому везти, – уронил господин маршал.

– Его высочество, помнится, предоставил нам целое крыло? – Бонк выгнул светлую бровь.

Холд нервно дернул шеей.

– Вы умеете водить? – вопросом на вопрос ответил он.

– Да, – Ральф коротко кивнул.

– Мой особняк рядом. Элизабет покажет вам дорогу, – Холд протянул ему ключи. – Ждите меня там. Я сам сопровожу вас в академию.

– Есть! – отдал Бонк честь.

Холд устало потер глаза – единственная слабость, которую позволил себе мужчина, и Ральф резко отвернулся, чтобы как можно быстрее спуститься к Лиз, и не только.

Ни к чему Холду знать, что его слабость не осталась незамеченной.

Под подошвой хрустнул крошечный камень, Элизабет дернулась, таким громким казался этот звук почти в абсолютной тишине.

– Ральф? – дрогнули полные губы.

«Ральф!» – застучало в висках. Голову снова пронзила боль, и сквозь грохот собственной крови он слышал злой голос Юрия:

«А с каких это пор приказы маршала стали выше воли императора? Я передумал. Верните во дворец господина Бонка. Он нужен мне. Здесь».

Нет, это не глюки. Не шепот тьмы, не память бездны. Это то, что происходит прямо сейчас. Шею будто сдавило удавкой. Он мотнул головой и почувствовал, как впиваются в кожу острые шипы невидимого ошейника.

По спине пробежал холодок. Черт, ну и ассоциации у него! Надо выбираться отсюда. А потом он увидит Ника, и они вместе что-нибудь придумают.

Ральф подошел к Лиз, открыл ей переднюю дверь.

– Всё нормально, – уверенно заявил он ей.

Да уж, нормальной некуда. Что может быть нормальнее, чем слиться с темнотой? Чувствовать, как за много миль бежит по проводам электрический ток, обрываясь на границе северного леса. И знать, слышать, как сходит с ума одержимый тобой без пяти минут император.

– Где водитель? – Лиззи испуганно обернулась на ступени дворца.

Господин маршал поднимался ко входу, спина его была напряжена.

– Я за него, – широко улыбнулся ей Ральф, потирая шею. – А тебе немного придется поработать вторым пилотом.

– Хорошо, – не задавая лишних вопросов, согласилась она, и Бонк в очередной раз поразился выдержке Элизабет.

Они уселись, Ральф завел мотор, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Трое гвардейцев вышли на крыльцо и выглядывали их автомобиль. Он нажал педаль газа, резко затормозил перед поворотом и взволнованно посмотрел на Лиз:

– Прости!

Если б не ремень, госпожа Холд могла бы и лоб разбить, так быстро они двинулись с места.

– Ничего, – она вцепилась в кресло, обернулась и, медленно выдохнув, сообщила: – у собора нужно свернуть направо. За нами, кстати, выехал автомобиль.

Ральф кивнул, выжал газ, уводя машину на широкий проспект. Чем дальше от них оставался шпиль императорского дворца, тем легче становилось на душе. Незачем оглядываться, только вперед. Только скорость, сливающиеся в разноцветные пульсирующие линии огни гирлянд, украшенной к рождеству ночной столицы. И Элизабет. Детская мечта, повзрослевшая девочка с черно-белой фотографии.

Он кинул на неё мимолетный взгляд. Лиз мгновенно опустила глаза, но ему хватило и этой доли секунды, чтобы понять – водитель интересуется её намного больше дороги.

Ральф улыбнулся, улыбка тут же сползла с его губ – в зеркале он заметил движущийся за ними автомобиль и, крутанув рулевое колесо, он ушел у собора налево.

– Не туда, – спокойно заметила Лиз.

– Я знаю, – снова взгляд в зеркало.

Поворот, еще поворот. Пытливый ум, хорошая память – за время дежурств он выучил все закоулки центра столицы и намеренно выехал на круглый, соединяющий пять лучевых дорог перекресток, сбрасывая скорость.

Во дворе ближайшего расходящегося на две улицы треугольником дома был небольшой навес, там уважаемые хозяева баснословно дорогих квартир хранили такие же дорогие мотоциклы. Ник как-то надолго застрял у одного из них, вот Ральф и запомнил это место. Но, главное, оттуда просматривался весь перекресток: он успеет увести Элизабет, если гвардейцы случайным образом угадают, куда они ушли. Или сразу же вернется в автомобиль, как только преследователи уедут. Второй вариант был предпочтительнее.

– Сможешь пройти пару метров? – с беспокойством посмотрел он на её открытые плечи.

– Смогу, – серьезно ответила она.

Ральф заглушил мотор, выбежал из автомобиля и открыл пассажирскую дверь, протягивая ладонь Элизабет. Она оперлась на его руку, ничего не спросила, лишь слегка пошатнулась на длинных тонких каблуках.

– Идем, – приказал он Лиз, подхватывая её за талию, прижимая к себе, помогая идти, согревая теплом своего тела.

Они успели забежать за угол дома, когда с той стороны, откуда они сами только что приехали, показался яркий отблеск автомобильных фар. Не прекращая движения, Ральф даром потянулся к автомобилю преследователей, погасли его огни и дорожные фонари вокруг.

Лиз запнулась, он удержал её над землей. Она устала, и у него уже не было сил нести её на руках.

Он остановился, хоть и были они почти у самой цели. Ну вернут его во дворец, подумаешь! Зато Элизабет будет в безопасности, а не переломает ноги, бегая с ним по темным подворотням. Нашел с кем играть в прятки! Он, определенно, слетел с катушек, и это нифига не весело! Лиз зябко передернула плечами, и Ральф мысленно чертыхнулся. Хмурясь, быстро расстегнул пиджак и накинул на её плечи.

Лиззи подняла на него глаза, нервным движением поправила выбившийся из прически локон, а он заметил, как быстро бьется венка на её виске, усиливая сладкий запах цветочных духов.

– Ральф? – взволнованно спросила она.

Ральф! – хлестнул по нервам приказ.

Красный мундир, красный ковер. Кровный враг держит лицо, старший брат, которого у него не было. Зато теперь есть Ральф.

Где ты? Ты нужен мне, Ральф!

Черт! Нет, не готов он опять ехать во дворец! Ральф сцепил челюсти, из последних сил поднял Элизабет на руки, она послушно обхватила руками его шею. Никаких вопросов, никаких возмущений. Кого из неё и Алианы растили в этом их пансионе? Это Лиз, а не он, тот самый идеальный солдат. Обманчиво хрупкий, но стальной и безумно тяжелый. Он влетел под темный навес, ударившись плечом о каменную стену. Аккуратно поставил Элизабет на землю и прижал к себе, закрывая спиной.

Маленькая ладонь её легла ему на грудь, будто желая успокоить бешеный стук его сердца. Подбородок его упирался в её макушку, Ральф не удержался и глубоко вдохнул запах её волос. Непослушные пальцы впились в тонкую талию под расстегнутым кителем, на открытой шее Элизабет неведомым образом оказалась его ладонь.

Юная госпожа Холд вздрогнула, смяла ткань его рубашки, а потом вскинула голову и острыми зубками прикусила кожу на его сжатой до желваков челюсти.

Удовольствие на грани боли. Острое возбуждение, электрической молнией прошивающее тело. Сводящий с ума нежный женский запах, податливые губы, дрожащая Элизабет в его руках.

Парадный китель отброшен куда-то в сторону, но ей не холодно. Под пышным подолом изысканного платья он пальцами чувствует шелк её бедер и требовательный пульсирующий жар.

– Ральф... – протяжный стон в его губы.

Сбившаяся фантазия, изящные запястья, скованные его рукою над её головой. Не вырваться, и не сбежать, Элизабет. Стучит в висках кровь, она сжимает бедра. В плену его ладонь, и не остановиться, он уже знает: её желание такое же огненное, как и его.

– Ральф...Ральф... Ральф! – мольба, приказ, жаркое требование.

Темный двор ночной зимней столицы.

Красный мундир, красный ковер, и мягко улыбается его высочество Юрий.

Играешься, Ральф? Ну что ж, играй. Я покажу тебе, какой интересной может быть эта игра. И какой сладкой может быть одна на двоих женщина...

Ральф отпрянул от Элизабет. И ведро ледяной воды не смогло бы оторвать его от неё, а Юрий сумел.

– Извини, – отворачиваясь, хрипло бросил ей он. – Я не хотел.

Глава 2

Не хотел? Зимой! На улице, под чужими окнами.

– Черт! – выругался он, расправил плечи и сжал руки в кулаки. Пальцы хранили тепло Элизабет, тело требовало вновь ощутить её всю, и отнюдь не ладонями.

Ральф поднял отброшенный пиджак, протянул вещь Элизабет. Она оправила подол платья, высоко подняла голову и ровно заметила:

– Не нужно. Меня согрели твои извинения, Ральф.

Он взлохматил волосы, собираясь с мыслями. Черт, ну как есть придурок! Что она теперь о нем думает?!

Элизабет вдруг пошатнулась, но успела опереться о каменную стену, наверняка испачкав свое платье, и он бросился к ней.

– Не подходи ко мне! – она взмахнула рукой, останавливая его. – Достаточно унижений для одного праздничного дня.

Ральф поджал губы, вышел из-под навеса, натягивая на плечи пиджак. Не стоило Холду доверять ему автомобиль. А ему не стоило дотрагиваться до Элизабет. Она права. Не то место, не то время. Да и он не тот, кто должен был быть с ней. Хотя бы потому, что быстрое удовольствие в подворотне – это всё, что Ральф может ей предложить.

То, что он позволил себе, унижительно для дочери маршала.

Включи голову, Бонк. Мало проблем? Злая усмешка искривила губы. Нет, у него достаточно проблем и без Элизабет. Ему повезло, что их остановили. Надо же, он почти благодарен его высочеству Юрию. Если даже боль по сути ничто, то неудовлетворенность уж Ральф как-нибудь переживет.

Он оглядел улицу и вернул уличный свет. У оставленного на перекрестке автомобиля их никто не ждал. Похоже, не так и нужен он был Юрию. Тем лучше.

– Пойдем, я отвезу тебя домой, – бросил он Лиз через плечо.

И они оба забудут.

Она не стала возражать, шла на шаг позади, и Ральф периодически морщился, слушая звук её шагов – Лиз уже дважды споткнулась. Устала и помощь его больше не примет. И не нужно. Он во рту чувствовал горький привкус её разочарования. Пусть.

– Если ты не возражаешь, я хотела бы сесть сзади, – сообщила ему Элизабет, когда они подошли к автомобилю.

– Конечно, – он кивнул, запоминая адрес особняка маршала.

Элизабет нырнула в салон, а он, устало уткнувшись лбом в придерживающую дверь ладонь, почувствовал будоражащий женский запах. Сцепил челюсти и со злостью захлопнул дверь.

Неловкие минуты молчания казались вечностью, но пролетели как один миг. Быстрый взгляд в зеркала, чтобы оценить дорожную обстановку. Никого. Ник бы посмеялся и в своей любимой манере сказал, что Бонк снова слишком много о себе думает.

Ральф нахмурился. Мысль о друге моментально вытеснила из головы всякую хандру. Как там Фостер? И главное, как там Ани?

Элизабет с достоинством приняла его руку. Никакого недовольства, ни одного нервного жеста. Идеальная осанка, королевская вежливость. Ральф хмыкнул, всё как он хотел. Ничего не было. Привиделось. Забыли.

Они поднялись на крыльцо, Ральф обернулся. Дорогие дома, чистота. И гнетущая тишина, да растущее беспокойство за сестру и друга.

– Добрый вечер, юные господа, – открыл им дверь улыбчивый дворецкий.

От внимательного взгляда мужчины не укрылся ни растрепанный вид Элизабет, ни испачканный парадный мундир её гостя, ни засохшая на их обуви кровь.

И ни единого вопроса, ни к нему, ни к Лиз. Идеальный у Холда слуга.

– Устройте господина Бонка в гостевой спальне, Кристос, – улыбнулась юная госпожа Холд.

Ральф коротко поклонился дворецкому, проследив за тем, как скрылась в глубине особняка Лиз, и некстати подумал, что дочь у Холда тоже идеальна.

Улыбчивый дворецкий проводил его в комнату, приказав горничной показать ему полотенца, и Бонк вяло запротестовал. Перспектива теплой водой смыть с себя тяжёлый день манила, но дожидаться Ника и Алиану было важней.

– Не беспокойтесь, как только приедет господин Холд, старший или младший, я вас приглашу, – сказал Ральфу мужчина. – А пока, полагаю, вам следует привести себя в порядок и отдохнуть.

Ральф кивнул. Отдохнуть хотелось. Да и вещи, действительно, неплохо было бы постирать. Видел бы господин ректор, во что превратился выданный ему парадный мундир. Светлое пятно на рукаве – фасадная краска. Мел. И перепачканные в крови брюки.

Он сглотнул. Прекрасная память, служившая ему подспорьем, впервые в жизни обернулась против него. Он снова видел, как вязким жидким ковром укрывает белый мрамор алый туман, чувствовал запах крови. А перед глазами стояла намертво впечатавшаяся в мозг картинка: мертвый белый и мертвенно бледный Николас. К счастью, живой.

Забавное совпадение, избежав смерти, друг заново родился в Рождество.

Ральф хмыкнул, бросил на кресло пиджак и, уставившись в пол, принялся задумчиво расстегивать пуговицы на черной рубашке.

– Позвольте, я заберу ваши вещи? – тихо спросила его горничная, и он очнулся. Он и забыл о ней.

– Конечно, – Ральф подал ей китель.

Ну и день.

Он расстегнул ремень, вытащил убрannую в брюки темную ткань и снял, наконец, рубашку, мечтая скорее очутиться в душевой. С тихим щелчком открылась дверь.

Горничная, лицо которой он не удосужился рассмотреть, наконец, оставила его одного. Кстати, зря не рассмотрел, у кого ему спрашивать китель? В академии три шкуры с него сдерут за парадную форму. Надо бы попросить щетку, да почистить брюки. За делом он скорее дождется Ани и Ника.

– А Алиана говорила, в Эдинбурге вы не держали слуг, – услышал он нервный смех Элизабет.

Тело мгновенно отозвалось на её близость, напоминая о том, что он обещал себе забыть, а ведь он стоял к ней спиной и её не видел. Он поморщился.

Ну точно – придурок.

– Не держали, – оборачиваясь, подтвердил Ральф.

Она стояла в дверях всё в том же ослепительно красивом, но безнадежно испорченном платье. Только тонкие руки больше не закрывали перчатки, и длинные волосы её теперь свободно спадали по плечам.

– Тогда тем более странно, что младший из Бонков не в состоянии раздеться сам, – зло заметила Лиз, развернулась и скрылась в тени коридора.

Что? Ральф недоуменно посмотрел на рубашку в своих руках.

– Я подожду за дверью, пока вы разденетесь, – робко сказали совсем рядом. – Ваши вещи будут готовы к утру.

Жизнь бок о бок с Фостером не прошла для Ральфа бесследно. Горничная ушла вслед за Элизабет, и Бонк аккуратно повесил одежду на спинку кресла. Или, может быть, виной была обстановка. Рука не подымалась нарушить этот идеальный и очень дорогой порядок. Зато поднялись ноги. Он недовольно посмотрел на следы от ботинок на светлом ковре. Странная манера имперцев не разуваться в домах вызывала у него искреннее недоумение. Гораздо проще разуться, чем отмывать ковер, или вообще менять его. Впрочем, какое ему дело до этого, не ему же чистить.

Ральф вошел в ванную комнату. Вот уж действительно комната. Размером она не уступала спальне. Была здесь и сама ванная – ослепительно белая лохань на медных когтистых лапах. В такой, наверное, приятно нежиться по вечерам. Теперь он понял вечные стенания друга об отсутствии приличных, как тот говорил, условий. Но Бонк выбрал привычный уже душ. Открыл стеклянную дверцу кабины и включил воду, встав в полный рост и подставляя

разгоряченную голову под прохладную струю. Горячая вода здесь, разумеется, была, но Ральф даже трогать этот вентиль не стал. Люди слишком быстро привыкают к хорошему, а вот отвыкать, он знал, значительно сложнее.

Он вдруг вспомнил странный вкус гребешка. Дрянь, если честно, но кто знает, как бы он заговорил через пару раз, хорошенько его распробовав? То ли дело Лиз, её он распробовал сразу.

«Ральф...Ральф... Ральф!» – стон в его губы. Холодный зимний ветер и она, такая жаркая в его руках.

Горячая волна прошла по телу, электрическим импульсом вниз живота.

Ральф выдохнул, сцепил челюсти, ладонью оперся о холодную стену и наклонил голову. Прозрачные капли падали вниз, разбиваясь о каменный поддон душа.

Её зубы впиваются ему в плечо, это её ладони ласкают тело.

Минута. Две. Может быть, три?

– Элизабет... – он закрыл глаза.

Черт!

Дыхание выровнялось, и замедлялся бешеный пульс. Даже в голове посветлело, и вернулась способность думать.

Ральф тихо рассмеялся, снял лейку душа и смыл остатки фантазий. Хорошо, что она не узнает.

Да-а-а, Бонк... совсем ты сдурел.

Он промокнул волосы сухим полотенцем, обернул ткань вокруг бедер, памятуя прошлый конфуз с его высочеством, и вышел из ванной в спальню.

С кресла пропали вещи, а на постели лежала аккуратно сложенная спортивная футболка и мягкие домашние брюки.

Он оделся, что-то царапало бедро. Бирки. Ну-да, богачи. То, что для Ральфа было бы частью гардероба и серьезной тратой, в доме Холда держали для гостей, как полотенца или одноразовые тапочки. Вот кстати и они. Горничная даже обувь забрала.

Ральф лег на спину, подложив руки под голову, и задумчиво уставился в потолок. Мысли лениво крутились в голове, тяжелые, медленные, как лопасти едва движущегося потолочного вентилятора.

Всё, что было во дворце, теперь казалось кошмарным сном. Забавная вещь человеческая психика, затирает то, что способно её пошатнуть, или подбрасывает видения, которых не было и не может быть.

Почему там, в темном дворе, целуя Лиз, он вдруг услышал Юрия? Как-то это не слишком весело, всякий раз опасаться, что его извращенное высочество влезет в твою голову в самый неподходящий момент.

Что было тому виной? Смерть Александра? Кровавый туман? Или сама Лиз? Не слишком ли много совпадений, не слишком ли много родственников покойного императора вокруг?

Глаза устали от света. Бонк легко его приглушил и прикрыл веки, позволяя темноте войти в спальню. Она ластилась к нему будто нашкодившая кошка, она боялась его гнева, она подчинялась. Ральф зло улыбнулся – обманывала.

Нет, в Эдинбург он не вернется. Разве что... там больная мама и давно уставший бороться отец. Алиана ждала родителей летом, Ральф не стал расстраивать сестру. У него не было никаких иллюзий относительно их приезда, особенно теперь. Нет лекарства от этой болезни, потому что болезни-то, похоже, никакой нет.

Если всё, что ему так любезно показали там, в покоях Александра, правда...

Человеческое тело слишком слабый сосуд. Оно не способно выдержать силу демона.

Воины бога. Стражи леса и спящего в нем мертвого демона.

Только вот он, Ральф живее всех живых. Просто не будет нигде.

Ральф поднялся с кровати. После смерти выпится. Хотя, сказать по правде, умирать он не хотел. Бонк посмотрел в зеркало. Скривился. С Эдинбурга достаточно Рэна! А он поживет. Как нормальный человек поживет. В люстре мигнули лампы, и он хмыкнул.

Нормальный – это не про него.

Он подошел к окну. На тихой улице никого не было. Но вернуться в кровать желания не возникло, а умением терпеливо ждать младший Бонк не отличался никогда. И Ральф уверенно открыл дверь, выйдя в коридор. Где тут у них кухня? Он бы не отказался от чашки горячего кофе. Так точно веселее ждать.

Нашел. Чего там искать? Не дворец же. Наверху жилые комнаты, внизу гостиная, кабинет (он заглянул в приоткрытую дверь и в этом убедился), и, наконец, кухня. И Кристос, ничуть не удивившийся его явлению.

– Чай? Кофе? Или, может быть, легкий ужин, господин Бонк?

– Кофе, – кивнул Ральф, задумался на пару секунд, а потом отмер и, широко улыбнувшись, добавил: – и ужин.

– Присаживайтесь, – рассмеялся мужчина.

Горький кофе и собранный Кристосом бутерброд подняли ему настроение. К концу трапезы Ральф уже с иронией рассказывал дворецкому о знакомстве с Николасом. Только нервное ожидание все затягивалось. Часы давно перевалили за полночь, а Фостера и Ани всё не было.

Ник, конечно, одаренный. Но не господь бог. Сравнение показалось Ральфу особенно дурацким в свете открывшихся обстоятельств и почему-то вызвало

головную боль. Если Алиана не удержит силу, она убьет Фостера.

Когда в дверь, наконец, позвонили, он уже весь извелся и побежал встречать друга вперед Кристоса. Открыл дверь и сразу же отошел в сторону. Ник не приехал. Приехал маршал.

– Доброй ночи.

– Доброй, – Ральф сглотнул, потер шею. Сердце снова стучало, и невидимыми руками душил липкий страх.

Почему Холд один? Где Ани, где черт возьми, Николас? Только бы друг был живой...

– Папа? Где Никки и Алиана? – с тревогой спросила Лиз.

Ральф обернулся на голос. Юная госпожа Холд стояла на верхней ступени лестницы, руки её нервно теребили завязанный бантом пояс длинного шелкового халата.

– Мне нужно позвонить, – Холд поправил ворот и, не глядя на дочь, направился в свой кабинет.

Лиззи обняла себя руками, и Ральф сам не понял, как оказался уже на середине лестницы. Он растерянно взлохматил волосы, недоуменно посмотрел на босые ноги. А тапки то он где потерял?

Господин маршал вернулся в коридор.

– Ждите, – бросил он им и стремительно вышел на улицу.

Лиз спустилась вниз, останавливаясь на одну ступень выше Ральфа. Он видел её так близко, что даже светлый пушок на лице смог рассмотреть. Губы её были искусанны, и он нахмурился. Что-то болит? И Фостера нет как на грех!

Элизабет ту же затянула пояс, улыбнулась и спросила:

– Хорошо помылся?

Глава 3

Погасли уличные фонари, но темнота в моей спальне была всего лишь отсутствием света. Никаких шепотков, никаких фантазий, никакой боли. Разве могла она тягаться с бесконечностью в темных глазах Николаса? Никогда, если он рядом.

Не поцелуй – всего лишь дыхание, одно на двоих. Вдох, протяжный выдох. Медленный и сладостный ритм. Слова не нужны. Времени нет. И мягким светом в крошечной тьме сияет моё персональное божество – мой Николас.

Темнота теперь мой союзник. Она укрыла нас от мира, она вырезала нас из него. Есть только крошечная спальня в мансарде со скошенным потолком, и мы: бескрайний космос и я, сгорающая от нежности частица пыли.

Медленно. Слишком медленно! Слишком жарко!

– Никки... Никки, пожалуйста. Пожалуйста, Никки! – я вцепилась в его плечи.

Он прикусил меня за губу и тихо рассмеялся.

– Как ты захочешь, Ани.

Вселенная произошла из взрыва. В темных глазах напротив я видела этот взрыв. Теперь я знала, что горело в огне, давая жизнь миллиардам новых миров. То были мы. Я и мой Николас.

Никки рухнул рядом, прижал меня к себе и поцеловал в висок. Я щекой потерлась о его плечо. Моим глазам не мешала темнота, и я увидела капли пота над его губой.

Господи, он же ранен! Да, Алиана, ты неисправимая идиотка! Звезды она ловит, а как на счет Никки?

– Как ты себя чувствуешь? – задала я его любимый вопрос.

Никки отвел волосы с моего лица и ответил:

– Не волнуйся, Ани. Я чувствую себя прекрасно.

– Лжешь, ты устал, – не поверила я.

Он поднял руку, на весу перебирая длинные светлые пряди.

– Ты путаешь удовлетворение и усталость, Алиана. По-моему у тебя неправильное представление о функционировании мужского организма.

– Чего?! – я даже привстала на локти от возмущения. – Бессовестный, опять издеваешься!

– И потом, даже если бы я устал, – равнодушно продолжил он, – тело всего лишь тело. Оно – ничто.

Ничто?

Я покачала головой, ловя тень улыбки на его лице. Наклонила голову к плечу, пальцами очерчивая контур его губ. Легонько поцеловала его в краешек рта. Рукой провела по его животу, чувствуя его отклик, и сама мгновенно загораясь от его такой же яркой реакции на мои прикосновения. Никки выдохнул, усадил меня на себя, а когда потянулся к моим губам, я ладонью уперлась ему в грудь и вкрадчиво спросила:

– Совсем ничто?

Никки хмыкнул и демонстративно закрыл глаза. Я хорошо знала эту его манеру, вместо ответа на самый простой мой вопрос уйти в себя, а потом выдать нечто совершенно невообразимое. Будто все эти пять минут он не просто формулировал мысль, а просчитывал сложнейшую философскую задачу, от

которой зависит, как минимум, наше будущее.

Никки...

Кто бы мог подумать, что страх потерять тебя будет в сто раз сильнее самой невыносимой боли...

Николас распахнул веки, улыбнулся мне и ответил:

– Без тебя всё ничто, Алиана. Но ты права, мне, пожалуй, действительно нужна ванна. Наберешь?

Я рассмеялась его логике, кивнула.

– Конечно, моя ванна – твоя ванна, Николас. Кстати, это чистая правда, с учетом того, что живу я в доме твоего отца.

Я передернула плечами то ли от мысли о господине Холде, то ли от холода. А потом сама не поняла, как вновь оказалась на спине, отвечая на его поцелуй, ощущая на себе немаленький, но такой невыразимо приятный вес Николаса.

– Ты же хотел в ванную? – рассмеялась я и попыталась его оттолкнуть, только разве можно сдвинуть с места скалу? Особенно, если совсем не хочешь, чтобы она сдвинулась...

– Действительно, – серьезно согласился со мной Никки, бросил на меня взгляд, от которого мне снова стало невыносимо жарко и сладко, и легко встал с кровати. Во всяком случае, за бок он не держался, что очень меня радовало.

Никки отошел к входу в ванную комнату, но вдруг остановился, запнувшись о брошенные на пол вещи. Недоуменно посмотрел под ноги и наклонился, поднимая брюки.

Я спрыгнула с кровати. Холодный пол обжег ноги, и без теплых рук Николаса одежда вновь стала насущной необходимостью. В моей комнате было совсем не жарко. Нашла тапки. Сунула в них ноги. Неплохо было бы и халат найти, но как же не хотелось включать свет... наморщила лоб, вспоминая, где оставила

домашнюю одежду. Вроде бы на кресле. Сделала шаг и рассмеялась, когда сильные руки прижали меня к теплой груди.

– Зачем тебе одежда? – серьезно спросил меня Никки. – Опять стесняешься?

Нет, я совсем не стеснялась. Стесняться Николаса всё равно что стесняться себя. Не глупо, немыслимо.

Я повернулась к нему лицом, вжимаясь в его тело, наслаждаясь близостью и его теплом, а потом, как много раз летом, легонько стукнула его ладошкой в грудь и недовольно протянула:

– Опять подслушиваешь мои мысли?

Никки положил на кресло аккуратно сложенные брюки, а я закусила губу, чтобы не рассмеяться этой его педантичности. Что толку складывать испорченную вещь? Они в крови и наверняка порваны, как и рубашка.

– Привычка, – тихо шепнул он мне в самое ухо.

– Привычка?! – охнула я.

Он уверенно кивнул, нагло рассмеялся и, пока я собиралась с ответом, крепко обнял меня и снова поцеловал. У меня подогнулись ноги, и голова закружилась от этого поцелуя. Если бы это было возможно, я выпила бы его до дна, поглотила, впитала в себя! Присвоила, чтобы не отпустить никогда...

Нельзя изменить суть. Я и есть темнота. Черная дыра по имени Алиана. Я так боюсь потерять тебя, Николас...

Никки оторвался от меня, подал халат и сказал:

– Это мои чувства, Ани.

Я накинула желтый шелк на плечи и, даже не пытаясь понять, к чему именно относилась эта его фраза, подошла к окну. Задернула шторы и включила свет, оборачиваясь на Никки. Он недовольно поморщился, а я, кажется, дышать

перестала, вспоминая, как впервые увидела это выражение на его лице. Нет, тогда, в разрушенной галерее дворца я впервые по-настоящему увидела Николаса.

Никки заметил моё внимание, расправил плечи и недовольно спросил:

– Опять жалеешь меня, Ани?

– Нет, – покачала головой.

– Нет? – он хмыкнул. – Тогда что ты делаешь?

– Вспоминаю.

Он выгнул бровь, а я рассмеялась и повторила сказанные на весеннем балу слова:

– Какой ты красивый.

Никки мотнул головой, отбрасывая несуществующую челку, улыбнулся и ответил:

– Спасибо.

Он взял меня за руку и привел в ванну. Я отпустила его ладонь и прошла к окну, закрыв деревянные ставни. Подняла с пола платье, отнесла его в спальню и бросила взгляд на свою кровать. Космический корабль, черт возьми! Разве не должно мне быть больно или хоть сколько-нибудь неприятно?

Мне даже думать о том, что было невыразимо сладко...

Я ненормальная?

У меня задрожали руки. Сначала отец, теперь сын. Что если и это желание навязано чужой волей? Какая тьме разница? Они ведь оба Холды!

Темными лентами рванула в стороны тьма, я сцепила челюсти, возвращая силу.

Господи, Алиана, конечно ты ненормальная! Но и Николас целитель. Как можно было об этом забыть? Нечего сходить с ума, лучше идти и любить своего Никки. Пока он рядом.

Я кивнула самой себе и вернулась к Николасу, прямо встречая его обеспокоенный взгляд.

– До чего ты успела додуматься за эти долгие две минуты?

Никки стоял у наполненной до краев ванны и чего-то ждал. Меня.

– Страшно? – протянула я.

– Непредсказуемо, – поправил меня он. – Слишком много вероятностей.

– И какая максимальная?

– Не самая приятная, – взлохматил волосы Никки. – Я рад, что ошибся.

Я фыркнула и прошла к раковине, закрыла сливное отверстие и набрала воды, намереваясь постирать рубашку. В зеркале увидела, как Николас погружается в воду, и забылась. Застыла, любясь его телом и точными, скупыми движениями. Он лег в ванную, повернул голову и, разумеется, застукал меня за подглядыванием.

– Иди ко мне? – позвал меня он.

– Ну нет, у меня есть дела поважней, – я улыбнулась и взяла в руки кусок мыла.

Никки, не отрываясь, смотрел на меня через зеркало. Я же вместо того, чтобы как следует заняться делом, ловила его тяжелый пристальный взгляд в отражении, всерьез жалея, что не присоединилась к нему.

– Мда... – я встряхнула мокрую рубашку, скептически оглядывая результаты своего труда.

– Оставь, – махнул рукой Никки. – На черном не видно. А дырку зашью утром.

Полезное место – армия. Интересно, Ральф тоже стал таким же хозяйственным?

Я кивнула и старательно развесила рубашку на батарее. Обернулась на Николаса и задохнулась от обещания и предвкушения в его взгляде, которые он и не думал скрывать.

Никки протянул мне ладонь и вновь приказал:

– Иди ко мне.

– Ты такой грозный, – я выпрямила плечи и потянула пояс халата, наслаждаясь огнем в темных глазах, намеренно задерживая падающую на пол ткань.

– Шпильки, – сглотнул Николас. – Дай мне их, я помогу.

Я взяла забытые на раковине заколки, протянула их Никки и села на краешек ванны, к нему спиной. Вода ударилась о бортик, когда он привстал, чтобы помочь мне собрать волосы. Ладонь его легла мне на шею, я повернула голову, чтобы снова рухнуть в бесконечность его темных глаз. Я губами поймала его губы, а когда он оторвался от меня, опустила ноги в теплую воду. Медленно, ощущая, как его взгляд ласкает каждый сантиметр открытого тела, и устраиваясь напротив.

Вода хлынула на пол, Никки пальцами вцепился в белый бортик ванной. Запястье его обнимали часы. Запотел циферблат, и влажно блестел широкий стальной браслет на смуглой мужской руке. Я сглотнула, такой невероятно красивой показалась мне эта картинка. Вспыхнула желанием, вспоминая, как холодный металл обжигал кожу, и теплые ладони Николаса на своих бедрах... неужели...

Уже тогда?

– Ты забыл снять часы, – хрипло заметила я, поднимая глаза.

– Да, – коротко ответил Никки.

Он сощурился, мотнул головой, с видимым усилием отрывая от меня тяжелый взгляд, и с удивлением поднял руку.

– И правда, – со смешком ответил он.

Я подалась к нему, снова вода плеснула через край, что почему-то страшно меня развеселило.

– Что стряслось, Николас? Как это ты умудрился налить столько лишней воды? Неужели не учел массу второго тела? Или, может быть, разучился считать? – изобразила я невероятное удивление.

Никки протянул мне руку, я пальцами коснулась нежной кожи над ремешком, чуть выше запястья. Выше, еще выше, чувствуя, как напрягаются мышцы его руки от моего прикосновения, наслаждаясь тем, как сбивается его дыхание.

Никки смотрел на меня из-под ресниц, внимательно следя за тем, как я снимаю с него наручные часы.

– Нет, – наконец, уронил он.

Я сощурилась, но удержала на лице серьезное выражение,

– Нет? – сжала круглый циферблат в ладонях, а затем уложила их на бортик ванны.

– Или да... – наклоняясь ко мне, тихо добавил Никки, дыханием задевая висок, ладонями оглаживая теперь уже влажные плечи.

Я откинула голову, закрывая глаза. Теплые капли на открытой шее мгновенно выстудил прохладный воздух. Они катились вниз, дразня нежную кожу. Едва касаясь, Николас ловил их губами. Сводящий с ума невозможный контраст.

– Никки... – задыхаясь от ощущений, простонала я.

Его ладонь на моей спине, мои руки в его волосах. Я открыла глаза, встречаясь с темнотой его взгляда. Николас улыбнулся и шепнул мне в губы:

– Разучился считать, говоришь?

Я охнула, от того как возмутительно легко он приподнял меня и усадил на колени.

– Мстительный мальчишка! – брызнула на него водой.

Никки рассмеялся, уклоняясь от моего негодования.

– Вот тебе! Получай! – хохоча, заявила я. Вновь ударила по воде ладонью, и замерла от внезапного ничем не обоснованного страха.

Смех оборвался, застучало сердце, зашумело в ушах, и от адреналина скрутило живот. Черными щупальцами рванула из меня тьма, красная пелена не давала видеть.

– Никки, – выдохнула я.

Он притянул меня к себе и поцеловал, спасая от страхов, пряча от алого безумия и укрывая от мира.

И страх исчез. Не стало безумия. Даже время сломалось, зато в нежных руках Николаса починилась я.

Я оторвалась от его губ и устроилась у Никки на груди, расслабленно откидывая назад голову. Он подбородком потерся о мою макушку и глубоко вздохнул. Я чувствовала, как сердце Никки мерно билось в грудную клетку, и еще больше успокаивалась.

Внизу с грохотом захлопнулась входная дверь. Я испуганно дернулась.

– Что это? Кто-то приходил? – я повернула голову, чтобы видеть лицо Николаса.

– Приходили, – он прикрыл глаза. – Охрана.

Глава 4

Никогда Ральф не понимал поэзии, механически заучивая вычурные строки. А теперь понял, что мужи древности подразумевали под пресловутыми «воротами в рай».

Губы Элизабет. Алые. Припухшие. Искусанные.

Острые зубки. Острый язычок. Она подсматривала за ним?

Буйная фантазия радостно показала ему раскрасневшуюся Лиз у приоткрытой двери в его ванну. Белый шелк, ласкающий нежную кожу, сбившееся дыхание, и её ладонь, раскрывающая длинные полы халата.

Склонность к извращениям передалась от дяди к племяннице?

Даже если так, Элизабет это простительно. Нет, не так. Это невероятно красиво, это сводит с ума, как её губы. Пухлые. Порочные. Искусанные. Ворота в чертов рай.

– Спасибо, – широко улыбнулся Ральф. – Да. Я получил удовольствие.

На щеках Лиз выступил румянец. Бонк прикрыл веки и вкрадчиво спросил:

– А вы, госпожа Холд?

Громко ударили часы. Лиззи пальцем подцепила тонкую золотую цепочку на шее и предложила:

– Может, перейдем уже на ты?

Ральф рассмеялся, увлекательный у них разговор. Даже страх за сестру и друга спрятался где-то внутри. Ник, конечно, немного не в себе, но Алиану сможет защитить. Вот только кто защитит его от Алианы? Он перестал смеяться, но удержал на лице улыбку, чтобы не напугать Лиз очередной резкой переменой в настроении. Как шизофреник, ей богу.

– Давай, – согласился он и подал ей руку. – Пошли на кухню? Ты ведь ничего не ела. Я видел.

– Пойдем, – она вложила пальцы в его ладонь, и Ральф поймал себя на мысли, что даже немного разочарован её ответом. Куда девалась её язвительность?

Они спустились по лестнице, ныряя в узкий коридор. Лиз была в тапочках, и теперь едва доставала до его плеча, вызывая у него какое-то ненормальное желание прижать её к стене и нависнуть сверху, чтобы видеть злость и желание в её темных глазах.

– Надо же, – будто между делом заметила Лиз. – А я-то думала, ты только за тарелкой его высочества следил. О чем же вы так увлеченно беседовали?

Ральф хмыкнул. Да...злость, желание и, пожалуй, страх. Не думает же она, что сможет безнаказанно дразнить его вечность?

– О боге, – просто ответил Бонк, наклонился к её виску и прошептал: – хочешь поговорить об этом?

– Нет, – она забрала ладонь и аккуратно отстранилась. – Разговоры о боге не входят в перечень моих желаний. В отличие от тебя, Ральф... я точно знаю, чего не хочу.

Лиз вежливо улыбнулась и прошла в кухню. Ральф поднял глаза к потолку, свет мигнул в хрустальной коридорной люстре. Хмыкнув, Бонк взлохматил волосы. Похоже, его «не хотел» юная госпожа Холд ему не простит, но, как ни странно, это нисколько не огорчало.

Ральф вошел следом и уселся на свое место, обнаружив недопитый кофе на столе и свои утеранные тапки под ним. Бонк молчал, Лиззи о чем-то

переговаривалась с дворецким, время тянулось, как давно потерявшая вкус жвательная резинка во рту.

Кристос включил телевизор: на экране светловолосая дамочка в умопомрачительном пеньюаре жарила оладьи мужу – новоявленному фермеру. Оладьями можно было убить, а фермер из бывшего клерка получился такой же, как и кухарка из светской львицы. Забавная комедия.

Бонк перевел взгляд на часы. Комедия забавная, а то, что Ника и Ани до сих пор нет – отнюдь.

– Новая серия! – громко обрадовалась Лиз и покосилась на настенные часы.

Нервничает. Как и он.

– Да, юная госпожа, повтор дневного выпуска, – Кристос с улыбкой поставил перед ней стакан молока и жестом профессионального официанта снял салфетку с тарелки с печеньем.

Лиз потянулась за угощением, пальцы её коснулись выпечки, а Ральф чуть было не свалился со стула от неожиданно громкого «Ральф!» прямо в своей голове. Яростно затрезвонил телефон. Бонк уткнулся в кружку кофе в своих руках, тяжело задышал.

«Значит, Белые...

Белые, черные, красные... полагаете, утопить столицу в крови – это правильное решение, господин Холд? Впрочем, нет. Не столицу. В крови утонет империя».

Спокойно, Бонк. Выдыхай, – подбодрил себя Ральф. Сделал глоток, усилием воли отсекая телефонную трель и закадровый хохот в телевизоре.

Причем тут белые, и причем тут Холд? Маршал вернулся во дворец? Ответа не было, тревога росла всё сильнее. Ник-то ведь тоже в какой-то степени белый...

Кристос отошел к телефонному аппарату. Синяя электрическая змейка обвила запястье, боковым зрением Ральф почувствовал встревоженный взгляд Лиз.

– Слушаюсь, господин Холд, – услышал он короткий ответ дворецкого и повернул голову в его сторону.

– Господин Николас просил передать, чтобы вы не волновались. Юный господин Холд и госпожа Алиана благополучно добрались до дома.

– А где сам отец? – тихо уточнила Элизабет.

Дворецкий не успел ответить. Веселый фермер в телевизоре замер с вилами наперевес, и черно-белая картинка сменилась на заставку экстренного выпуска новостей.

Со скорбным видом господин маршал сообщил жителям империи о смерти его величества Александра, господина Теодора Дарема и еще нескольких именитых имперцев от рук антимонархистов.

Вполне логичное объяснение, во всяком случае, гораздо более логичное, чем кровавый эдинбургский туман...

С экрана говорил маршал. Не Юрий... Второе лицо империи сообщало о смерти лица первого. Средства массовой информации подконтрольны Холду? Почему Александр это допустил? Развлекался, сталкивая сыновей лбами?

Ральф поймал испуганный взгляд Лиззи, и подумал, что в этом как раз нет ничего странного. Что взять с одержимого?

– Армия взяла на себя охрану императорского дворца... – задумчиво повторил Бонк за господином Николасом.

Вот почему Холд свалил всё на белых. Отличная причина взять под контроль дворец, безопасники ведь не справляются. Его высочеству Юрию, разумеется, жизненно необходима военная охрана. И каждый шаг, каждое слово будущего императора станут известны маршалу...

Армия – оплот империи и опора экономики. Совсем не золото стояло за разноцветными банкнотами, даже не промышленность. Влияние господина Холда сложно было переоценить. И такая расстановка сил, очевидно, не

устраивала его высочество Юрия...

Ральф потер виски. Какое счастье, что все эти игрища далеки от него! Лиззи бросила на Ральфа еще один полный тревоги взгляд, и Бонк похолодел. А далеко ли? С кем он пьет кофе в рождественскую ночь? Кто его лучший друг? Снова в люстре мигнул электрический свет.

Чьи мысли слышит, с кем делит одну на двоих силу?

– А его высочество Юрий? – спросила Лиз, тонкими пальцами цепляясь в белый шелковый ворот халата.

Хороший вопрос. Каков будет ответный ход его высочества? Если всё сказанное маршалом, не согласовано с ним, конечно. Только «империя, которая утонет в крови» не больно-то с этим вяжется.

– Его высочество Юрий находится в безопасности, – уверенно заявил с экрана господин Холд.

* * *

Почти каждую ночь, летом, мы забирались на крышу и рассматривали ночное небо. Лиззи вечно ворчала, что не видит ничего интересного в этом времяпрепровождении. Еще бы, мы с Никки мало того, что молчали, задрав головы, так еще и на неё шикали, чтобы не мешала нам наслаждаться тишиной. Ничего удивительного, что она не выдерживала с нами и десяти минут. А мы с Николасом ложились спиной на прихваченный из дома плед и, взявшись за руки, смотрели...иногда даже там засыпали, просыпаясь в обнимку от ярких лучей утреннего солнца, но не от холода. Я помню, как смеялась над ним, когда он, сонный, морщился, удерживая меня рядом и не выпуская из рук, будто любимую плюшевую игрушку, которой у него не было.

Игрушку ...какую игрушку, Алиана? Господи, как можно было не замечать очевидных вещей? Впрочем, это ведь Никки, попробуй, догадайся о чем он думает...

Николас хмыкнул, я щекой потерлась о его плечо и устроилась у него на груди.

– Я хочу, чтобы вы с Элизабет уехали к Диане в Южный как можно скорее, – сообщил мне Никки, лениво перебирая мои волосы.

– А ты? – спросила я.

– Я останусь в столице, – он тяжело вздохнул.

– Из-за смерти Александра? Как Юрий объяснит произошедшее во дворце? Как отреагируют на всё это жители империи? – я приподнялась на локтях, чтобы видеть его лицо. Одеяло упало с моих плеч, но я не замечала холода, ловя в его взгляде ответ совсем не на этот вопрос.

Что теперь будет, Николас? Что будет со всеми нами?

Никки молчал, трепетали тонкие ноздри, тяжелый взгляд его медленно опустился на краешек сбившегося одеяла у моего живота. Он нервно дернул шеей, и в жесте этом мне так явственно привиделся господин Холд, что я ощутила непреодолимое желание спрятаться. Сглотнула. Нет, не спрятаться. Исчезнуть, сбежать, укрыться во тьме, раствориться в черном тумане.

Он не дал. В мгновение ока усадил меня на себя, заставляя забыть о страхах, его отце, ложной скромности, обо всём мире. Руки его с силой сжимали мои бедра, направляя, не давая вырваться. В темных глазах горел огонь. Тот же огонь жидкой лавой растекался по моим венам, вынуждая меня выгибать спину, двигаться ему на встречу. Сгорая от ощущений, запрещая себе закрывать глаза, чтобы видеть. Видеть его удовольствие.

Никки застонал, я потянулась к его губам, чтобы с поцелуем заполучить этот невероятно сладостный стон, разделить его на двоих. Присвоить, как присвоила я себе Николаса.

Мой Никки...

Я оторвалась от его губ и упала, распласталась на нем, не в силах пошевелиться, прижимаясь всем телом, утыкаясь ему в шею, слушая, как выравнивается его и

моё дыхание. Ноги дрожали, Никки аккуратно приподнял меня, помогая соскользнуть с его бедер. Он уложил меня рядом и укрыл одеялом, я рукой провела по его влажной груди, чувствуя, как быстро бьется его сердце в мою ладонь, и улыбнулась.

– Спи, Алиана, – он прижал меня к себе. – Не нужно бояться будущего. Сама ведь знаешь, это неконструктивно.

– Хорошо, я не буду, – рассмеялась я и послушно закрыла глаза.

День был тяжелым, сказать по правде, это был самый жуткий день в моей жизни. Неудивительно, что я начала сразу же проваливаться в сон. Красно-черный кошмарный, наполненный болью и страхами сон. Теплая ладонь Николаса легла мне на лоб, и я расслабленно выдохнула – кровавые картинки перестали терзать разум. Да. Это был самый страшный день в моей жизни.

И самый чудесный.

Проснулась я от страха. На забытых на прикроватной тумбочке часах Николаса не было и семи, и Николаса тоже не было. Оглянулась: дверь в спальню плотно закрыта, брюки исчезли с кресла. Уже ушел?

Подавила разочарование. У Никки своя жизнь! Довольно того, что я являюсь её частью...даже если часть эта не самая важная.

Я умылась, взяла в руки щетку для волос и посмотрела на себя в зеркало. Не слишком мне шло это выражение вселенской тоски на лице. Приди в себя, Алиана! Никто не умер, слава богу... невесело хмыкнула. Никто не умер? Вчера на моих глазах умерло значительно больше, чем никто, и одного из этих «никто» уничтожила я. Уничтожила и не жалею об этом!

Темнота затопила радужку, а потом в отражении я вдруг заметила развешенную на батарее рубашку.

Никки...здесь?

Сердце застучало, я вылетела из ванны в спальню, открыла дверь и выбежала на лестницу. И остановилась, услышав голоса и тихий смех Николаса. Никки здесь! Даже присутствие на кухне посторонних лиц меня не огорчило, тем более, один голос я совершенно точно узнала – это был Кристос. Я вернулась в спальню, привела себя в порядок, а затем спустилась к гостям.

– Доброе утро! – бодро поздоровалась я, войдя в кухню.

Кристос и какой-то неизвестный мне военный в форме вроде бы поздоровались со мной в ответ, я толком не слышала. Встретилась с Никки глазами и застыла, зачарованно разглядывая огненные всполохи в темных глазах и его абсолютно новую идеально отглаженную форму.

– Я сварил тебе кофе, – тепло улыбнулся он, протягивая мне ладонь.

– Спасибо, – голос сел.

Я замешкалась, впервые задумавшись, а имею ли я право так просто брать Никки за руку. На глазах у всех, заявляя всему миру свои права на него.

Николас покачал головой, сделал ко мне шаг и самостоятельно решил мою проблему, уверенно сплетая наши пальцы и утягивая за собой, чтобы вручить обещанный кофе. Быстро представил мне военного, я даже не успела удивиться, что ректор военной академии делает на моей кухне в шесть часов утра. Мужчина вежливо мне поклонился, а затем продолжил разговор который я, по всей видимости, прервала своим появлением.

– Эта просьба выглядит более чем странной, но у меня нет причин и возможности отказать будущему императору, – развел он руками.

– Не беспокойтесь, господин Тобиас. Мы с господином Бонком не посраим честь академии, – задумчиво ответил ему Николас.

– Не сомневаюсь в вас, господин Холд, – хмыкнул мужчина. – А вот ваш друг вызывает у меня разумные опасения. Тем более, сейчас он во дворце без вас.

– Во дворце? – не удержалась я от вопроса.

– Его высочество Юрий выразил особые пожелания к своей охране, госпожа Холд, – пояснил мне военный.

– Юрий? – я недоуменно посмотрела на Никки. – Какое отношение имеют военные к охране императора?

– Самое прямое, – Никки нервно дёрнул шеей. – С сегодняшнего дня.

Глава 5

Я сделала глоток, опираясь о кухонный шкафчик и мимоходом отмечая идеальный вкус кофе. Ложка сахара и треть кружки молока, как я варила себе сама каждое утро...

Значит, военные теперь охраняют императора. Охраняют, или сторожат? Почему господин Тобиас называет Юрия прежним титулом? Сын Александра не взошел на престол? В стране безвластие? Разве это возможно?

– ...буду ждать вас в автомобиле, – выхватила я фразу из слов военного и прикрыла веки – Никки бросил на меня острый взгляд.

Иди. Ты не можешь возиться со мной вечно, Николас. Как бы мне того не хотелось.

– Хорошего дня, госпожа Холд, – поклонился мне военный и покинул кухню.

– Господин Николас просил передать, чтобы вы собирались в Южный, – сообщил мне Кристос и посмотрел на часы.

– А Элизабет? – вскинулась я.

– Приедет за вами вместе с водителем, – улыбнулся мне дворецкий Холдов и тоже откланялся, оставляя нас с Никки наедине.

Он повернулся ко мне и забрал кружку у меня из рук. Поставил её на стол, а потом взглянул на меня исподлобья. Не знаю, кто сделал первый шаг, не знаю, кто прикоснулся первым, этот миг стерся, сгорел вместе с остатками здравого смысла в сумасшедшем отчаянном поцелуе.

И безумие может быть счастьем, особенно, если разделить его на двоих.

Я отстранилась первой. Откуда только силы взялись? Рассмеялась: строгое, излишне серьезное выражение на лице Никки никак не сочеталось с растрепанным видом и лихорадочно блестящими глазами.

– Иди, – твердо сказала ему я.

Только вернись...

Никки поправил ворот рубашки, застегнул пуговицы серого кителя, расправил плечи и, спрятав руки за спиной, ответил:

– Я приеду в Южный, как только смогу. Что бы ни случилось, дождись меня, Алиана. Обещай, что не станешь делать глупостей.

Он мотнул головой, и я не удержалась – погладила его по щеке.

– Обещаю, – хрипло прошептала я и со смешком добавила: – а что мне еще остается?

Никки отвел взгляд, потемнел лицом и замолчал, уставившись в одну точку.

– Хороший вопрос, – наконец сказал он, подымая глаза. – Кто знает, что придет тебе в голову?

Пальцы мои коснулись его губ. Я подалась к нему, прижимаясь всем телом, окутывая собой, чувствуя, как напрягаются его руки, замечая резко очертившиеся скулы и нервно бьющийся на шее пульс.

– Что, например? – я поцеловала его в краешек рта.

Николас дернулся, но так и не позволил себе снова до меня дотронуться.

– Например? – выдохнул он мне в губы.

Я поймала его дыхание. Пьянящее, нежное, и такое жаркое, что желание снять одежду стало невыносимым.

– Например, решишь, что я слишком для тебя молод, – чуть улыбнулся Никки.

– Вредный мальчишка! – возмутилась я. – Хочешь сказать, я для тебя старая?!

– Нет, – побелел Николас, а я вдруг вспомнила его «опоздал родиться» несколько дней назад.

Разница в четыре с половиной года – это ничто. Меня она не сильно смущала и до этой ночи, а теперь смущаться тем более поздно, да и просто глупо.

Никки заметно расслабился, на щеках его снова выступил румянец, а я наклонила голову к плечу и ехидно уточнила:

– Точно нет?

– Абсолютно, – твердо ответил он, хватая меня в охапку, до боли сжимая плечи и целуя так, словно поцелуем этим хотел доказать мне правдивость своих слов.

– Иди уже, – рассмеялась я, отталкивая его.

На улице громко хлопнула автомобильная дверь. Похоже, господин Тобиас посчитал, что его подопечный слишком долго прощается с родственницей, и решил напомнить Николасу о себе.

– Проследи за Ральфом, – серьезно попросила я.

– Прямо сейчас, – кивнул Никки, отошел к выходу, обернулся в дверях и с нажимом сказал: – ты обещала.

– Никаких глупостей, – подняла я правую руку. – Я помню.

Николас не улыбнулся, ушел. Под быстрыми шагами скрипела деревянная лестница, а затем открылась тяжелая входная дверь.

Я осталась в квартире одна.

Тяжелые деревянные двери были распахнуты настежь. Выкрашенные белой краской старые и наверняка много повидавшие. Если бы вещи могли говорить, их рассказ был бы крайне увлекательным. Ральф стоял к ним лицом, спиной опираясь о стену длинного коридора, но видел след от кисти, хаотическим узором покрывающий всю поверхность деревянных полотен. Сто раз перекрашены, судя по выглядывающим друг из-под друга слоям на небольших сколах. Кажется, за эти пару часов он успел выучить каждую трещинку на этих дверях. Впрочем, не самый плохой вариант. Альтернатива только каменный пол, красный ковер, тошнит его уже от этого цвета, ну и Юрий.

Лучше двери.

Удивительное дело, но к постоянному вниманию уже величества Бонк не то, чтобы привык – перестал замечать. Этот кабинет был небольшим, и рабочий стол стоял аккуратно напротив распахнутых дверей. Ральф сам открыл их по приказу Юрия и теперь ощущал его больной взгляд, но ничуть не раздражался. Почти не задумываясь, отвечал на вопросы: его величество развлекало себя беседой со своим охранником. Односложно отвечал. И не потому, что хотел как можно скорее закончить беседу. Просто лень было ворочать языком. Ральф подавил зевок: не выспался.

– Я долго не мог понять, кого вы мне напоминаете, господин Бонк, – снова обратился к нему Юрий.

От двери пришлось оторваться. Утреннее солнце освещало рабочий стол Юрия и толстую папку с документами на нем. Эту папку прямо на глазах Бонка передал императору господин Холд. Вместе с ним, с Ральфом, передал. И было это в четыре утра.

– Кого? – даже не пытаясь изобразить интерес, уточнил Бонк.

– Его, – рассмеялся Юрий и показал на миниатюрную фигурку на своем столе.

Ральф хмыкнул и пожал плечами. Из коридора рассмотреть её было невозможно. Солдатик? Его величество аккуратно поставил статуэтку себе на ладонь и поднес к глазам.

– Невероятное сходство, – улыбнулся мужчина. – Хотите посмотреть ближе?

Да в общем-то не особо. Спать хотелось больше. Где там его смена, вроде время подошло? Можно будет поспать на мягком кресле в комнате охраны.

– Да, с удовольствием, – вежливо ответил Ральф.

Юрий резко поднялся с кресла и сам сделал шаг в сторону своего охранника. Бонк выдвинулся к нему на встречу и вошел в кабинет, не удивляясь и не замечая ненормальной любезности императора. Протянул руку, забирая фигурку, и внимательно взгляделся в удивительно точно вырезанное лицо игрушки.

По спине пробежал холодок, настолько неожиданно было видеть ему свою крошечную копию. Черт, да тут даже китель почти такой, только с эмблемой старой Валлии...

– Отец любил меня, – вдруг сообщил ему Юрий. – Мне было разрешено многое. Почти всё. Кроме этой маленькой игрушки. Её мне трогать не позволялось. Ничего удивительного, что именно эта вещь стала для меня самой желанной.

Ральф прямо взглянул в синие глаза императора.

Александр съехал с катушек еще в молодости, это очевидно. Юрий сходит с ума прямо сейчас. И замкнуло его тоже на Бонке, пусть и другом. По наследству.

Ральф расправил плечи и вернул солдатика Юрию.

– Действительно, – спокойно заметил Ральф. – Что-то есть.

В коридоре слышались шаги. Смена, наконец-то. Надо поспать хотя бы пару часов. Сегодня похороны, велика вероятность, что на церемонии придется присутствовать.

– Я хочу, чтобы вы несли гроб вместе со мной, – словно читая мысли, заявил ему сын Александра.

– Как пожелаете, ваше величество, – Ральф коротко поклонился.

– «Мой император» из ваших уст было бы предпочтительнее, – с усмешкой ответил Юрий.

Смена встала в коридоре. Ральф снова подавил зевок. Величество, мой император, плевать, когда не вкладываешь в эти слова ничего.

– Как пожелаете, мой император, – послушно повторил он.

Юрий прикрыл веки, пряча блеск синих глаз.

– Закройте за собой двери, господин Бонк. Не люблю посторонних.

Еще один короткий поклон, и Ральф вышел из кабинета, не забыв выполнить просьбу его величества.

Длинные коридоры дворца были полны людей. Охрана, военные, слуги. Полным ходом шла подготовка к траурной церемонии. Благо, гостей не было. И красных следов вчерашнего вечера не было тоже.

Ральф быстро нашел вожденную комнату и, вяло отреагировав на подначки вояк, опустился в свободное кресло. После Юрия, к глупым остротам у него теперь, наверное, пожизненный иммунитет.

На стене напротив кресла висел портрет молодого Александра – комнату для военных организовали наскоро, выделив первое более-менее подходящее по размеру помещение. Люди Холда были сейчас во дворце чем-то вроде усиления безопасников Юрия. Бонк посмотрел на часы – почти семь.

Семь... Конечно, он не выспался. Даже самый молодой и здоровый организм не способен отдохнуть за пятнадцать минут. Именно столько он спал этой ночью. Он бы вообще не ложился, так бы и сидел на кухне Холда перед телевизором и смотрел вместе с Лиз. Она сериалы, а он на неё. Да только юная госпожа Холд начала засыпать прямо за столом, и Кристос настоял на том, чтобы оба они разошлись по комнатам.

Где Фостер? Тревога уходить не желала, хотя Холд обещал, что Ник скоро придет во дворец.

Ральф закрыл глаза и, мысленно приказав себе проснуться без пяти минут девять, мгновенно заснул безо всяких сновидений.

Проснулся он от тишины. Слишком громкой для комнаты, в которой одновременно отдыхают сразу несколько молодых мужчин. Бонк открыл глаза. Сидел он один, остальные стояли. Юрий что ли явился? Или Холд? Ральф повернул голову и увидел в дверях Фостера. Ник как Ник, всё та же черная форма, идеально выглаженная, или даже новая, по нему не поймешь. Ничего не выражающая высокомерная физиономия, которая и вывела Ральфа из себя в день их знакомства. Только физиономия эта – оживший портрет молодого Александра. Неудивительно, что военные при его появлении повскакивали с мест.

– Чего так долго? – зевнул Ральф. – Есть чего-нибудь поесть?

Мужчины переглянулись, но расслабляться почему-то не спешили.

– Поесть, говоришь? – задумался Ник и посмотрел на запястье.

Вот только часов на руке у него не было. Удивительное дело! Как же Фостер, и без часов? Он же даже перед тем как в душ пойти, непременно проверяет который час, а потом моется там ровно девять минут, и ни секундой дольше.

– Где это ты потерял часы? – хмыкнул Бонк, подымаясь с кресла.

Николас не ответил, только поднял на Ральфа непривычно рассеянный но при этом такой счастливый взгляд, что у Бонка засосало под ложечкой. С чего бы это

после такого-то рождества?

Или? Ну нет, не может быть! Он же... Он же что?

Ральф встал напротив друга и сощурился, оглядывая его с ног до головы. Смешно, кого он только что собирался мысленно назвать мелким? Фостер ничуть не уступает ему в росте, пусть и младше. Николас выгнул бровь.

– Где ты потерял часы, Николас? – уточнил Бонк. – Не у девушки ли в спальне?

Фостер расправил плечи и, спрятав руки за спиной, спокойно ответил:

– Верно, Ральф. Именно там.

Глава 6

Ральф сцепил челюсти. Не то, чтобы он сильно переживал о репутации своей и Ника... но ведь дал себе слово, держать себя в руках. К тому же, это ведь Николас. Может, понял его как-то не так?

– Ты ведь понимаешь, о чем и о ком я тебя спрашиваю, Фостер?

Николас тихо рассмеялся.

– Понимаю. А ты почему-то не хочешь понимать, что я тебе отвечаю...

По руке пробежала крошечная молния. Ральф бы точно ему врезал. Даже справедливая, в общем-то, мысль, что сам он ничуть не лучше, просто ему нечего предложить Лиз, Бонка бы не остановила. Но Фостер вдруг взглянул ему в глаза и будто с обидой спросил:

– Почему?

Бонк разжал кулаки. Почему...Действительно, почему? Ясно же было с самого начала, что совсем не по-родственному друг смотрит на Алиану. Да и она на Ника, видел же. И там, на набережной, и вчера, во дворце. Что за детская ревность?

– Я ... – в горле почему-то першило. – Извини, – наконец, выдавил Ральф. – Надеюсь, последствия своих действий, ты тоже понимаешь.

– Более чем, – кивнул Николас.

Ладно, чего теперь? Расспрашивать друга при военных на счет его планов будет более чем глупо. Какие планы, черт возьми... одному два года до совершеннолетия, второй в принципе это совершеннолетие никаким образом не придает самостоятельности. Тут через час, что случится, не знаешь, что о будущем говорить?

Ральф потер переносицу, хмыкнул: кажется, вот и узнал он кто такая «она». Да... опять он не смог сложить два и два, вернее, просто не додумался это сделать.

– Так что на счет поесть? – требовательно посмотрел он на друга. – Через час церемония, я, кстати, гроб несу, Юрий пожелал. Боюсь, урчание моего желудка испортит всю печальную торжественность момента.

Николас улыбнулся. Широко и открыто. Непривычно эмоциональный, даже слишком живой. Но таким он, определенно, нравится Ральфу больше, чем в своем обычном немного заторможенном состоянии. Или как несколько дней назад, полутрупом с пустым взглядом.

– Я попрошу Итана собрать тебе обед, – пообещал Николас и пояснил, заметив недоумение на лице Ральфа: – это слуга Александра.

– Попроси, – с королевским видом дозволил Бонк. – А я, если ты не возражаешь, досплю, пожалуй.

В конце концов, почему нет? Восемь. Как минимум полчаса в запасе.

* * *

Я включила телевизор. Утренний восьмичасовой выпуск новостей обещал нам прямое включение с похорон – небывалое для телевидения событие. Вряд ли я успею посмотреть, скорее всего мы с Лиззи уже будем в дороге. И точно: знакомый черный автомобиль подъехал к дому, я видела его из окна гостиной. Водитель почему-то не спешил бежать и открывать пассажирскую дверь. Я вцепилась в обивку дивана. Холд? Это он?

Откуда этот безумный страх, Алиана? Даже если это действительно Холд, взрослый мужчина не станет делать вид, что ничего не было. Было!

Так чего бояться? Лучше раз и навсегда закрыть этот вопрос. Интересно как? Извиниться что ли перед ним?

Я нервно хохотнула. Дверь автомобиля открылась. Нет, приехал не Холд, приехала Лиз. Плечи её были опущены, руки нервно теребили что-то в руках. Газета вроде бы. Элизабет посмотрела на наши окна, и я заметила, как она бледна. Что стряслось? Ей плохо? Снова? Я поднялась с кресла и выбежала в прихожую, открывая подруге за секунду до того, как она сама взялась за дверную ручку. Только вместо привычной улыбки, Лиз, увидев меня, опустила глаза.

– Лиззи, что случилось?

Она вошла в коридор, аккуратно закрыв за собой дверь, а потом протянула мне смятую газету. Утренний выпуск. Вести о смерти Александра, портрет Юрия. Покушение, кровавая бойня во дворце... Я перевернула страницу, бросила взгляд на черно-белые фотографии и закрыла глаза.

Новейшая оптика...прогресс не стоит на месте.

– Лица девушки не видно, – тихо заметила Лиззи, – одежды нет... светлые волосы... но мало ли на свете блондинок? Процедура развода уже началась, и кто я такая чтобы осуждать отца?

Комом в горле встал утренний кофе. Вот и объяснение малиновому вину и прозрачным намекам его высочества. Холд даже смерть Александра смог использовать для упрочения собственной власти. Ответ Юрия не заставил себя ждать.

– Рассказки бывшей горничной... мало ли что скажет человек за деньги? Или не деньги, а в обмен на свободу. Ты была права, тогда, на весеннем балу, у дворца, действительно задержали Кети. А она свободно разгуливает и раздает интервью, – зло рассмеялась Элизабет.

Я открыла глаза. За последствия своих поступков нужно отвечать. Темнота – лишь иллюзия. Не исчезнет прошлое, и фотографии в газете никуда не исчезнут.

– Только это наша кухня и наш стол, Алиана, – с нажимом добавила Лиз. – Наша чертова кухня! И наш чертов стол! – сорвалась она на крик.

Ей было больно, боль эта выгрызала мои внутренности, заживо сдирала кожу, обнажая суть. Темноту. Пустоту. Холодную черную бездну.

– Да, – хрипло ответила я. – Да, это наша кухня и наш стол.

Элизабет мотнула головой. Резко, будто от невидимой пощечины. Такой сильной, что от удара темнеет в глазах. А потом закаменела и, выпрямив спину, сказала:

– Знаю. Не узнать почти сестру было бы сложно, Алиана.

– Элизабет...

– Молчи! – она выставила ладонь. – Пожалуйста, не убивай всё то хорошее, что еще осталось между нами.

Я снова взглянула на яркие заголовки. Для кого-то месть. Для кого-то сенсация. Для кого-то разрушенная жизнь.

– Я уезжаю в Южный. Прошу, нет, я умоляю тебя, богом заклинаю, не ехать со мной! Мама не заслужила этого...

– Да. Не заслужила, – я аккуратно положила газету на комод.

– Спасибо, – она кивнула и отвернулась. – Прощай, – бросила мне Лиззи через плечо и оставила меня одну.

– Прощай, Элизабет, – ответила я закрытой двери.

Я нашла в себе силы подняться наверх. Там, в моей спальне, на прикроватной тумбочке лежали часы Николаса. Дотронуться до них показалось мне жизненно важным. Будто они были единственной вещью в доме, способной подтвердить мне моё собственное существование. Я зажала их в руке и присела на свою кровать.

Свою... будто было в этом доме хоть что-то моё.

Секундные стрелки двигались с чуть слышными ритмичными щелчками, звук этот становился громче, заглушая стук крови в ушах, уличный шум проснувшегося города и далекий звон траурных колоколов.

Никки...Обещание не делать глупостей было глупым. Я их уже наделала. Вся Валлия теперь им свидетель. И не только Валлия, рано или поздно новости придут в Эдинбург. Фотографии увидят мама и папа...

Диана. Ральф. Все те, кого я знаю и не знаю. И ты, Николас.

«Лица девушки не видно. Мало ли блондинок в империи?» – так говорила Лиз. Но на соседней странице интервью горничной маршала. И кричащие, тошнотворные заголовки...

В точку, господа журналисты. Всё это – грязная правда.

Стрелка сделала полный круг. Раз, еще раз, еще и еще. Восемь сорок пять.

От стыда никто не умирал. Вот и я... живу. Что теперь?

Громче хода часовой стрелки оказались лишь звуки мужских шагов на нашей лестнице. Не нашей. В этом доме нет ничего моего. Господин Холд, застыл на пороге спальни в мансарде. Ничего, ничего моего. Я сама – и та не моя.

Я не удержалась от смеха, в руке маршала была уже знакомая мне газета. В отличие от экземпляра Элизабет – не мятая.

– Доброе утро, господин Николас, – вежливо поздоровалась я.

– Доброе утро, Алиана.

– Чай, кофе? – я закрыла лицо руками и, быстро отсмеявшись, добавила: – Малинового пирога, простите, нет.

– Обойдемся без пирогов, – чуть улыбнулся господин Холд.

Да... куда мне до умения маршала держать лицо? Я впились в него глазами, пытаюсь найти следы былой своей одержимости. Красивое, всё ещё молодое, волевое лицо. Через двадцать семь лет таким станет Николас.

Никки... ритмично бьющиеся мне в ладонь стрелки наручных часов.

– Что теперь? – спросила я, пристально глядя в его глаза.

– Теперь? – он нервно дернул шеей. – Теперь будет опровержение и, разумеется, шумиха. Новости о смерти Александра люди предпочтут возможность покопаться в чужом белье, и это нормально. Я мог бы снять тебе дом в столице или любом городе Валлии, пока что-то более интересное не займет наше население... – Холд вдруг оборвался на полуслове и, прикрыв веки, договорил: – Мог бы. Только я не могу.

Я хмыкнула и понимающе уточнила:

– Кинете меня на съедение акулам пера?

– Нет, – уронил маршал.

Я наклонила голову к плечу, ожидая пояснений, но господин Холд снова меня удивил.

– Николас был долгожданным ребенком. Я любил жену и дочь, сын стал для нас еще большей радостью. Я много работал уже тогда, но всегда находил время для семьи. Диана говорила, что за несколько часов до моего приезда, малыш переносил свои машинки к входной двери и усаживался на пол, ожидая меня.

Никакая сила не могла отодрать его с места. Ему было три, уже тогда он был страшно упрям, – Холд тепло улыбнулся, а я бросила быстрый взгляд на часы Никки в своей руке.

Неожиданная откровенность маршала почему-то пугала меня даже больше туманного будущего.

– Был обычный вечер, необычный разве что тем, что Никки меня не встречал. Не буду вдаваться в детали, они не имеют значения. Его величество Александр одарил нашу семью великой милостью, предложив госпоже Холд отдать ему сына. Перспективы? Да. Тысячу раз. Деньги? Снова да. Мое жалование не было слишком большим, состояние, оставшееся мне от матери ушло на покупку небольшого дома в Южном. Приданое Дианы было смешным, мы оба были бедны. Моя жена согласилась и подписала необходимые документы. Мое согласие не требовалось, закон о высшей крови никто не отменял.

Господин Николас устало потер глаза.

– Его величество обещал Диане протекцию и сдержал слово. Я стал маршалом в тридцать лет. Номинально, разумеется. Николаса я не видел шесть лет, но Александр первое время с удовольствием делился со мной его успехами. А потом что-то пошло не так. Сына нам вернули незадолго до твоего приезда, ему тогда было почти девять. Меня он помнил. «Отец» было единственным словом, которое он произносил внятно. Дальше ты знаешь. Для него не существует матери. Ни разу я не слышал этого слова из его уст. Сестра, слуги, окружающие его люди – лишь статисты. Декорации. Шахматные фигурки, которые интересно передвигать. Гений. Одаренный. Только лучше бы он был обычным оболтусом шестнадцати лет.

– Я люблю его. Любым люблю, – сухо сказала я.

На эмоции не осталось сил.

– Знаю, – снова улыбнулся господин Николас. – Возможно, твои чувства даже взаимны. Мне трудно судить. Эмпатия – малоизученное явление. Но сейчас речь не о твоей любви. Речь о Николасе. Император был одержим погибшим другом, Бонком. Твоим дедом. Никки рос рядом с Александром, и эта одержимость получила продолжение. Тебя.

Темнота заполнила комнату, слишком страшно мне было от чужих слов. Слишком сильно они походили на правду.

– Каким бы гениальным не был мой сын, он ребенок. Вряд ли отношения, в основе которых болезненная детская привязанность, будут счастливыми. Да и о долговечности их я бы тоже поспорил.

Мерно тикали в ладони часы. Одна ночь и несколько лет пусть и странной, но дружбы. Перечеркнутая фотографией долговечность.

Господи, как же тошно...

– Чего вы хотите? – обреченно спросила я.

– Вопрос в том, чего хочешь ты?

Я мотнула головой, заставляя темноту отступить.

– Я хочу вернуться к родителям. В Эдинбург.

Господин Холд покачал головой, а потом меня уничтожил. Распылил на тысячу беснующихся частиц черной пыли, неспособных более собраться в прежнюю Алиану:

– Арианна умерла три месяца назад. После похорон господин Бонк ушел за пределы крепости, в лес, и не вернулся. Твоих родителей больше нет. Я тоже узнал об этом недавно. Какое-то время назад Николас посещал Эдинбург, а по приезду сообщил мне. Ставить в известность тебя он, по всей видимости, нужным не посчитал.

В сером мире было холодно. Алым факелом пульсировал господин Холд, только огонь его больше не согревал.

– Шумиха утихнет, ты сможешь продолжить обучение, если захочешь. Общество примет тебя, у него не будет выхода. Принуждать тебя к чему бы-то ни было, я не собираюсь. Но если после сегодняшней ночи ты забеременеешь, у тебя всего

два выхода. Или ты станешь моей женой, или отдашь мне ребенка.

Холд не лгал мне. Никогда не лгал. Он растоптал меня правдой.

– Надеюсь, ребенка не будет, – едва слышно выдавила я.

– Собирай вещи, Алиана. Я вернусь за тобой через пару часов, сразу после похорон. И да, надеюсь, ребенок будет. Дети – это прекрасно. – Холд коротко поклонился и, разворачиваясь в дверях, добавил: – Особенно если это дети любимых детей.

Тихо тикали наручные часы в моей руке. Входную дверь закрыли на ключ. Идти некуда. Некуда бежать. Я бросила взгляд на кровать.

Лечь. Закрыть глаза, и проснуться семь лет назад. В Эдинбурге.

Глава 7

Ральф проснулся от ощущения чужого взгляда. Еще глаза не открыл, но уже улыбнулся, зная, кто именно смотрит на него. Теплый, насмешливый взгляд, от которого хочется дурачиться и шутить. Над тем, кто на него смотрит, шутить.

Хорошо, что он согласился на предложение Холда. Рана от потери брата не стала меньше, но благодаря Нику Ральф снова научился любить жизнь.

– Чего пялишься? Еду принес? – буркнул Бонк и приоткрыл правый глаз.

Ник хохотнул и протянул ему пакет с чем-то теплым внутри. Судя по одуряющему аромату (слюна тут же заполнила рот), этим чем-то была какая-то выпечка. Мясная, что радовало.

– Салфетки там, – Фостер мотнул головой, указывая на металлический столик на колесиках, – вместе с кофе. Каша тоже там.

Николас посмотрел на запястье, чертыхнулся, не обнаружив там часов, и растерянно посмотрел на Бонка.

– Восемь тринадцать, – с набитым ртом сообщил ему Ральф.

– Спасибо, – серьезно поблагодарил его Ник.

– К вашим услугам, – сидя откланялся Бонк.

Фостер такой Фостер.

Тихо переговаривались в комнате трое военных, еще пятеро дремали в таких же как у Ральфа креслах. До церемонии всё еще было время. Позовут, наверное? Впрочем, если о нем вдруг забудут, Бонк не расстроится. Нести гроб это, конечно, честь и всё такое. Только нафиг ему не сдалась такая честь.

– Я провожу тебя к часовне. Процессия начнется оттуда, нас уже ждут, кстати, – сообщил ему Николас и завис. Ушел в себя.

Бывает, Ральф к этому привык.

– Ну, если ждут... – Бонк сделал последний глоток и промокнул губы салфеткой.

Николас медленно моргнул. Что-то не похоже это зависание на обычную придурь Фостера – больно сосредоточенный и мрачный у него вид. Он ведь близко знал Александра. Тоскует?

Ральф поднялся с кресла. Какой-то военный дернулся, чтобы встать, провожая Фостера.

– Сидите, – сухо бросил Ник, а когда они вышли и закрыли за собой белую дверь, Бонк не удержался: высоко поднял правую бровь и, изобразив на лице самое надменное из всех возможных выражение, передразнил друга:

– Сидите.

Фостер осмотрел Ральфа с ног до головы и выдал:

– А у тебя неплохо получается, Бонк. Вот так и будешь потом говорить.

Ральф даже подавился. Мда, опять друг его сделал. Вот ведь талантливый малолетка! Ник понимающе хмыкнул, улыбка медленно сползла с его лица.

О, снова завис.

– Не отставай, – наконец, тихо приказал Фостер и повел Ральфа длинными коридорами дворца, с каждым шагом прибавляя скорости. Еще чуть-чуть, так и вовсе побегут. Что за странная спешка?

Никто их не остановил, ни слова не спросили, а гвардейцы так и вовсе поднимали оружие при виде Ника, и тут Ральфа осенило. Даже споткнулся!

– Слушай, Фостер, твое знакомство с императором я еще могу как-то понять. Родственники всё-таки. Но какого хрена гвардейцы отдают тебе честь, и откуда ты знаешь дворец как пять своих пальцев?

Николас обернулся и, проигнорировав первый вопрос, равнодушно заметил:

– Так я вырос здесь. Выучил.

От удивления Ральф глупо хлопнул глазами. Ник вырос во дворце? Вот это новости...

– Ты такой смешной, – через силу улыбнулся Фостер и остановился, ожидая отставшего друга, – Что тебя удивляет? Закон о высшей крови, слышал о таком?

Мимо прошли люди Юрия. Отдали Фостеру честь, Ник ответил коротким кивком. Резко мотнул головой, откидывая давно отстриженную челку. Нервничает. Так сильно, что с трудом сдерживается. И Ральф тоже занервничал.

– Слышал, – отмер Бонк. – Только я не думал, что кого-то действительно забирали из семей.

В этом коридоре никто не дежурил, они стояли одни. Только белела на одиноком, обтянутом алой тканью стуле забытая кем-то газета. Ральф поймал себя на мысли, что не испытывает ни малейшего желания знать новостей. В отличии от Ника, тот взял её в руки.

– На благо империи, – рассеянно кивнул Фостер, глаза его скользили по черно-белым заголовкам. – Единственный случай прямо перед тобой.

У Бонка волосы на голове зашевелились. Николас жил во дворце. Рядом с давно свихнувшимся Александром, рядом с Юрием! Одаренный. Эмпат. Черт возьми, зачем?!

– Не переживай. Всего несколько лет. В восемь меня родителям вернули, – Ник перевернул первый лист.

– Если вернули... – сглотнул Бонк. Тысячи вопросов вертелись в голове, но что-то удерживало его от того, чтобы озвучить их вслух.

Фостер молчал, на белом лице его выступили желваки.

– Что? – дернулся Бонк. Что там опять случилось?

– Ничего. Политика. Это грязь. Ты привыкнешь. Никто у власти не бывает чист. – Николас протянул Ральфу газету и добавил: – Сейчас грязью поливают Алиану.

Ральф прочел заголовки, ошарашенно посмотрел на друга.

– Часовня там, – Ник рукой показал ему направление. – Передай, что я не смог нести гроб...

– Не знаю куда ты, но я с тобой, – перебил Ральф. – И это не обсуждается.

– Да, ты ей нужен, – кивнул сам себе Фостер и побежал.

Ральф без лишних слов побежал за ним, стараясь следить за дыханием. Потому что иначе бессильная злость грозила вырваться электрическим шаром и спалить к чертям всё вокруг!

Политика! Грязь! И нет у младшего Бонка никакого веса, нет сил, чтобы защитить сестру. Как самонадеянно с его стороны было думать иначе...

Николас остановился у входа в длинное серое здание. Ральф вспомнил это место, где-то здесь дворцовые гаражи.

Фостер открыл дверь, включил кнопкой свет и, снова бросив взгляд на пустое запястье, вошел внутрь помещения.

– Восемь тридцать четыре, – подсказал Ральф, войдя следом и рассеянно оглядывая воистину имперскую коллекцию мотоциклов.

Страшно представить каково Ани сейчас? Это ему плевать на репутацию, пусть что хотят о нем пишут, но он-то мужчина!

«Ральф!» – прошило виски, Бонк качнулся, но устоял на ногах.

Ник кинулся к нему, привычно уже снимая боль.

– Кажется, наш побег заметили, – натужно пошутил Ральф. – Как бы выезд не закрыли.

– Успеем, – сквозь зубы бросил Ник и протянул другу шлем.

С территории дворца они вылетели как пробка из бутылки игристого вина. Николас гнал как сумасшедший. Пару раз Ральфу казалось, мгновение, и оба они с мотоцикла этого свалятся – так сильно его кренило к земле. Но нет. Они доехали. У закрытой двери стояла Элизабет и пыталась достать что-то из сумочки. Судя по тому, что она вдруг высыпала её содержимое на крыльцо вниз, у неё не получалось.

– Ключ, ключ, ключ... – монотонно бубнила Элизабет.

Фостер в два прыжка достиг ног сестры и безошибочно нашел его в куче женских мелочей.

Ральф взлетел на крыльцо и споткнулся, застонав от боли. Ник оглянулся на них, пугая Бонка бледным лицом и расширенными зрачками, дернул шеей и открыл, наконец, эту чертову дверь.

– Ани! – крикнул Ник, врываясь внутрь.

Голова разрывалась, но Ральф успел подхватить падающую на каменные ступени Лиз. Из носа вдруг хлынула кровь, Бонк машинально вытер её рукавом и бросил взгляд на часы.

Восемь пятьдесят две.

* * *

Интересный опыт, абсолютное одиночество. Вакуум в котором нет ничего кроме тебя самой. И сама ты – тоже нечто вроде вакуума. Я спустилась на кухню и уселась за тот самый стол, оглядывая знакомый интерьер, который в черно-белом спектре казался двумерным, идеально выполненным рисунком простым карандашом.

Кто бы мог подумать, как много значит цвет.

За исключением не желавшего вернуться в нормальное состояние зрения, я чувствовала себя прекрасно. Даже голова не болела, ну просто идеальный солдат. С уходом Холда ушла апатия, на смену ей пришла темная, тягучая злость.

Дети – это прекрасно. И если у меня будут дети, я сделаю всё, чтобы никто не смог шантажировать меня ими! Чтобы никто не смел даже думать о том, чтобы забрать их!

Хлынула во все стороны темнота. Я позволила ей обнять себя и утешить.

– Рэндольф! – беззвучно позвала я.

Зашумел Эдинбургский лес. В тени высокой ели собрался тонкий мальчишеский силуэт.

– Помоги! Отведи меня домой. Я знаю, ты можешь. Я видела, ты вёл во дворце Ральфа...

– Могу, – улыбнулся брат. – Но зачем тебе я, если ты сама – ключ от Эдинбурга?

– Ключ?

– Кровь, – зашептали тысячи голосов. – Кровь – ключ от Эдинбурга, – напонила бездна и выкинула меня обратно в черно-белую кухню.

Кровь? Я встала на ноги, взяла из подставки кухонный нож и быстро, чтобы не передумать, полоснула по раскрытой ладони, морщась от неприятного ощущения. Красные капли упали на пол, внизу зашуршали в замке ключом.

«Умный мальчик, – шепнула темнота. – Догадался, что нужно вернуться...»

Чертов Холд! Что теперь? Наденет смиренную рубашку, привяжет к батарее, запрет в темном подвале?

«Пока не получит детей...» – рассмеялась то ли я, то ли бездна.

Нож, и еще один такой же надрез, теперь уже на второй ладони. Я вышла в центр кухни и, рухнув на пол, сосредоточенно рисовала круг. Немного неправильный, Никки бы наверняка поморщился, увидев эти кривые линии.

Не думать! Слишком больно... лучше просто рисуй, Алиана. У тебя хорошо получается.

Удар двери о стену. Голоса. Лиззи? Нет, Элизабет. Я не хочу больше тебя слышать!

Круг замкнулся, и огнем Холдов загорелась моя кровь. Алое пламя закрыло меня до самого потолка, я громко рассмеялась и поднесла руку к губам. Лизнула кровь и повернула голову. Сквозь алое марево моей силы медленно таял мужской силуэт.

Николас Холд. Старший ли, младший... нет больше Никки.

Белый свет слепил глаза. Холодный воздух обжег легкие, изо рта вылетело крохотное облачко пара. Ладони саднило, я слепо сощурилась, а оглядевшись, запустила руки в снег и позволила слезам бежать по щекам. Теперь можно.

В чёрно-белом мире красок нет. Но мне не нужны цвета, чтобы узнать серые камни родной крепости.

Я дома. В Эдинбурге.

* * *

Мир окрасился в красный, а потом слился в кровавое пятно перед глазами, оставляя Ральфа в крошечной темноте. Сердце ударилось о ребра, вот он – его детский кошмар. Бонк мотнул головой, прижимая к себе Элизабет, вдыхая её запах, заставляя себя успокоиться.

Зрение вернется. Должно вернуться. А если нет, он давно не ребенок. И слепые живут на земле.

– Больно, – прошептала Лиз.

– Прости, – Ральф ослабил хватку, сощурился. Темнота расступалась, и алый, огненный туман соткался в юную госпожу Холд в его руках. Смотреть на неё было больно, такой совершенной она казалась ему сейчас.

– Больно, – повторила она безо всякого выражения. – Больно. Больно.

Бонк привычно уже подхватил её на руки и пообещал:

– Ник поможет.

Себе обещал, не ей. Лиз не слышала, глаза её были пусты. Зато Ральф снова видел всё. Даже то, как черная ткань его кителя впитывает кровь, почти не оставляя следов. Черт возьми, а удобно! Бонк зло рассмеялся и вошел в узкий коридор квартиры.

Лиз будто заезженная пластинка монотонно повторяла одно и то же слово. Её «больно» и тяжелое дыхание самого Ральфа были единственными звуками в помещении.

– Ник! Ани! – хрипло крикнул Ральф.

Фостер не откликнулся. Бонк тихо чертыхнулся и, оглядываясь, поудобнее перехватил драгоценный груз, чтобы затем аккуратно уложить Лиз на диване в гостиной.

Тихое «больно» било по нервам, резало слух, Ральф кинул быстрый взгляд на дверной проем, распрямился и, убедившись, что Лиз не свалится на испачканный его ботинками пол, побежал к лестнице.

Один пролет, его он преодолел за пару секунд. Здесь была кухня, та же кухня, что и на газетной фотографии. Ральф застыл, заметив сгорбленного Ника, тот на коленях сидел у выжженного круга на полу и, опустив голову, сжимал что-то в руке. Черный китель, черный круг, странным в этой картинке был непонятно откуда взявшийся белый цвет.

Зрение снова ему отказывало...

– Ник, Элизабет плохо. Я оставил её в гостиной внизу, – сощурившись, сообщил другу Бонк.

– Опоздали, – будто не услышав его слов, без единой эмоции заметил Фостер. – Алианы нет.

– Что значит, нет?

Николас сжал ладонь, что-то жалостливо хрустнуло в его руке.

Он отбросил в сторону раздавленные часы, поднял голову и, глядя Бонку в глаза, ответил:

– Её забрал ваш чертов лес, – Фостер криво усмехнулся и поднялся с колен. –
Пойдем к Лиз.

– Ник... – Ральф сглотнул. – Ты весь седой.

Белый, как Эдинбургский снег.

Глава 8

Тканевые домашние туфли мгновенно набрали ледяной воды. Я встала на ноги и, шатаясь, сделала шаг, по колено проваливаясь в белый сугроб, падая на изрезанные ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zvolinskaya_irina/proklyatyy-tron

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)